

Чи Нин чувствовал, что его оклеветали. На этот раз он вовсе не тыкал пальцем в небо и не разыгрывал чужую судьбу в кости! Напротив, у него была вполне конкретная цель — свалить Чжоу Хайва.

«Ого? — Господин Юань прекрасно помнил их недавний разговор. — Разве ты сам не говорил, что если подсидеть Чжоу Хайва, то Новый император непременно заподозрит тебя и не даст заслуженного повышения?»

«Все так, но разве чуть позже я не упомянул, что у меня созрел новый план?»

Пути Чи Нина всегда отличались непредсказуемостью. Но желая развлечь Злого бога, обожавшего людские склоки, на сей раз он решил напустить туману:

«Что именно я задумал — пока секрет. Скоро сами все увидите. Обещаю, скучно не будет».

Господин Юань тихо рассмеялся:

«Что ж, я заинтригован».

По правде говоря, копошение обычных смертных его больше не занимало. Куда приятнее было созерцать, как Чи Нин из кожи вон лезет, устраивая очередной переполох — и все ради него.

Вскоре Чи Нина призвали в безмолвные покои Дворца Недеяния. У самого входа он разминулся со знаменитым евнухом Сунем. Тот проплыл мимо, даже не удостоив юношу взглядом — на лице его читалось лишь ледяное пренебрежение.

«Превосходно. Похоже, в твоём свитке обид прибавилось имен, — в Господине Юане мгновенно проснулась мстительность. — Будет с кем сыграть в кости».

Чи Нин искренне изумился:

«А на что мне обижаться?»

«Этот Сунь Эрба смеет тебя игнорировать».

Да, знаменитого евнуха звали Эрба — «Двадцать восемь». В народе, где детей часто нарекали числами, имя было самым заурядным.

«...А с чего бы ему на меня смотреть? И зачем мне вообще сдалось его внимание? — Чи Нин недоумевал, уводя мысль в сугубо практическое русло. — Разве от его уважения мне будет хоть какая-то польза?»

Злой бог даже растерялся от подобного прагматизма. Лишь помолчав, он наставительно произнес:

«Он выказывает тебе презрение! Разве ты не должен доказать ему, что нельзя недооценивать юнцов? Тебе полагается втайне поклясться, что настанет день, когда он приползет к тебе на коленях и будет умолять о пощаде!»

«До чего же ты инфантильный», — чуть было не сорвалось с языка Чи Нина. Но, сдержавшись, он покорно ответил:

«Слушаюсь. Я непременно приложу все усилия».

Тяжело воспитывать древнее божество. Умиротворить капризный нрав — задача не из дешевых.

«???»

«Кто не сеет хаос, тот глупец!» — бодро отозвался Чи Нин. Внутренне он уже смирился со своей участью: назвался прихвостнем Злого бога — изволь крутить интриги не покладая рук. Он справится!

Господину Юаню же казалось, что Чи Нин вроде бы все понял... и одновременно не понял ровным счетом ничего.

Узнав, что наследник князя Цзина, Вэнь Хуайгу, едва не испустил дух под отцовскими побоями, У Эр — самопровозглашенная несостоявшаяся невеста молодого господина — не теряя ни минуты, потащила свою возлюбленную Ваньвань в его поместье, дабы выразить глубочайшее сочувствие.

В ее сердце жила горькая солидарность: мысль о том, что ее собственный путь к свободе любви окажется столь же тернистым, нагоняла на нее невыносимую тоску.

Сам же Вэнь Хуайгу...

Лежал в постели с совершенно невозмутимым видом. Впрочем, гостей он принимал по всем правилам приличия: держался на почтительном расстоянии, двери в покои распахнул настежь, а саму комнату заполнил толпой слуг.

Наследник берег свою репутацию как зеницу ока.

У Эр, напротив, лишь небрежно отмахнулась:

— Да ладно тебе, не гляди на меня как на благородную девицу. Я бы только рада была окончательно сгубить свое доброе имя, чтобы ни один сводник и на порог не сунулся.

Стоило У Эр вернуться в родные пенаты, как радость ее старшего брата и невестки испарилась к полудню первого же дня. Уже к вечеру она вновь превратилась в самое невыносимое чадо в семье, которое мечтали сбыть с рук хоть завтра.

— Это я о своей репутации пекусь, — смущенно пробормотал Вэнь Хуайгу.

В конце концов, ему предстояло связать жизнь с женщиной. Отчим и Новый император уже вовсю выставляли его великомучеником и однолюбом, готовым умереть за свои чувства. Разрушить столь изящную легенду сейчас было бы непростительной глупостью. К тому же, он и впрямь не прочь был сойтись с Сыту Ваном.

У Эр лишилась дара речи. Вот уж наглец!

Впрочем, видя, что у Вэнь Хуайгу еще есть силы размышлять о подобном, она окончательно успокоилась. Усевшись поудобнее, она без лишних церемоний спросила:

— Так что там стряслось? Твой старик действительно избил тебя до полусмерти? Сильно болело? И как тебе удалось уломать его сменить гнев на милость? Колись, мне позарез нужен этот опыт!

Вэнь Хуайгу лишь безмолвно воззрелся на нее.

— У Эр хотела узнать, как ваше драгоценное здоровье, — мягко поправила подругу Ваньвань, пытаясь сгладить ее бестактность.

— Да по нему же видно, что он цел и невредим! — фыркнула У Эр. — Меня с малых лет матушка с братом лупили, уж в чем-чем, а в побоях я толк знаю. Он просто притворяется, чтобы его пожалели!

Вэнь Хуайгу виновато улыбнулся и вынужден был признать: он действительно не пострадал. Но это было не ради жалости, а лишь для того, чтобы подыграть отцу, заставив всех поверить, будто он едва дышит.

У Эр округлила глаза от изумления.

Ваньвань же ничуть не удивилась. На ее нежном лице играла понимающая улыбка — она давно обо всем догадалась. Внезапный гнев Сиятельного князя Цзина и его столь же стремительное

преображение выглядели чересчур наигранно. Глядя на бесконечную борьбу У Эр с принцессой и зятем императора, Ваньвань твердо усвоила: ни один родитель, узнав о «неправильной» склонности своего чада, не побежит трубить об этом на весь свет. Напротив, подобный позор стараются скрыть любыми силами. С чего бы князю сразу мчаться во дворец с покаянием, выставляя семейную тайну на всеобщее обозрение?

Более того, стоило Новому императору сказать пару примирительных слов, как князь тут же смирился и испросил высочайшего указа о браке. Это была чистейшей воды уловка — маневр «отступить, чтобы наступать», разыгранный ради того, чтобы государь сам узаконил этот союз.

— Ну и ну! — У Эр хлопнула себя по бедру, ошеломленная догадкой. — Выходит, твой старик — хитрый лис, каких поискать!

В детстве она терпеть не могла учебу, отчего в минуты сильных чувств из ее уст вырывались исключительно крепкие словечки.

— Кхм, — Ваньвань легонько дернула возлюбленную за рукав, напоминая, что не стоит оскорблять отца в присутствии сына.

— Ничего, это чистая правда, — отозвался Вэнь Хуайгу. Он и сам до сих пор пребывал в смятении: все закрутилось с быстротой урагана. Наследник до последнего верил, что отец сотрет его в порошок, а тот не просто дал благословение, но и сам все устроил!

— Так вас действительно застукали прямо на месте преступления, когда вы... ну, занимались этим? — любопытство У Эр не знало границ.

— У Эр! — воскликнула Ваньвань, уже всерьез сердясь. Кого она вообще ухитрилась полюбить? Настоящую разбойницу!

— Н-нет, что вы! — лицо Вэнь Хуайгу мгновенно вспыхнуло, он даже заикаться начал от смущения. Из всей троицы У Эр вела себя развязнее любого мужчины. — Наши чувства... чисты. Мы не позволяем себе ничего недозволенного.

Строго говоря, в тот день между Вэнь Хуайгу и Сыту Ваном ровным счетом ничего не произошло. Они едва осмеливались говорить намеками, балансируя на грани признания.

Как вдруг в покои ворвался грузный, пузатый князь Цзин. Его силуэт навис над испуганными юношами подобно скале. Не желая слушать оправданий, он разыграл безупречную драму: его лицо исказила скорбь об «опозоренном роде и неблагодарном сыне». Было полное ощущение, что старик только и ждал момента, чтобы застать их «с поличным».

Князю не требовались объяснения. Он для вида выставил Сыту Вана за дверь, отвесил наследнику пару легких тумачков и припустил во дворец — лить слезы перед государем.

Главное представление разыгрывалось там.

У Эр испустила завистливый вздох:

— О таком отце можно только мечтать! — Очевидно, князь давно обо всем догадывался и лишь ждал удобного повода, чтобы выпросить у императора милость для сына. Почему же ее собственный брат не мог оказаться таким понимающим?

Но у Ваньвань были свои соображения на этот счет. Понизив свой и без того тихий голос, она заставила собеседников задуматься:

— Если Его Высочество с самого начала знал о склонностях наследника, зачем он пошел на поводу у императора и затеял всю эту комедию? Какую выгоду он надеялся извлечь? Ни один, даже самый любящий отец, не станет устраивать подобный балаган просто так.

В комнате повисло молчание. Действительно, каков был его умысел?

Никто и подумать не мог, что самым легким шагом на пути Вэнь Хуайгу к счастью станет помощь собственного отца в раскрытии его тайны.

В Дворце Недеяния Новый император уже давно поджидал Чи Нина. Перелистывая доклады, он небрежно спросил:

— Ну, как продвигаются дела?

— К завтрашнему дню все готово для обряда «Выбора трех», — почтительно отозвался Чи Нин.
— Вдовствующая императрица испрашивает воли Вашего Величества: изволите ли вы лично отправиться на гору Уцзян или же прикажете доставить кандидаток во дворец?

По правде говоря, поскольку у государя уже была законная супруга, обряд «Выбора трех» лишился своего первоначального смысла. Обычно этот этап предполагал, что в гарем примут всех троих финалисток, но определяют их статус — одну сделают главной женой, а двух других — младшими. Например, для наследника это означало выбор одной супруги и двух наложниц, а для государя — императрицы и двух благородных наложниц. По традиции, этот шаг можно было и вовсе опустить, сразу зачислив девиц в штат гарема.

Однако Чи Нин рассудил, что для первого набора в гарем Нового императора, пусть и скромного по масштабам, стоит сохранить этот красивый ритуал. Государь должен сполна насладиться властью выбора.

Сам процесс сулил немало удовольствия — редкий мужчина откажется от забавы, когда прекрасные девы наперебой борются за его внимание.

По правилам, император и кандидатки проводили целый день в одном саду. Они могли беседовать о поэзии, живописи или возвышенных идеалах, а могли предаваться светским играм вроде цуцзюй. В хрониках прошлых династий бывали случаи, когда подобные гуляния заканчивались весьма предосудительными вольностями.

Удавалось ли правителям действительно найти среди девиц ту, к которой лежало сердце — вопрос спорный. Здесь все зависело от обстоятельств.

Например, покойному Императору Тяньхэ его супругу, госпожу Цянь, сосватали Вдовствующая императрица Юцинъ и покойный Император Су задолго до всяких обрядов. Будучи еще наследным принцем, он знал, что обязан взять ее в жены, без права на возражение. Две другие наложницы также достались ему в результате подковерной борьбы придворных группировок. Сам же жених в этой игре оставался безгласной фигурой.

Да и нынешний государь в бытность простым принцем прошел через то же самое.

Но теперь все изменилось. Нынешний выбор зависел исключительно от его воли.

Его родная мать давно почила, императрица занемогла и не могла вмешиваться в дела гарема, а Вдовствующая императрица через Чи Нина дала понять, что умывает руки. К тому же, влиятельные евнухи до последнего не догадывались, что невесты предназначались для императора Тяньхэ, и не успели расставить свои сети вокруг кандидаток, выбыв из этой игры.

Выходило, что все добравшиеся до финала девицы были обязаны своим успехом исключительно Чи Нину.

Впрочем, юноша не питал иллюзий. Вдовствующая императрица Юцинъ, некогда возвышенная евнухом Чжаном, так и не пошевелила пальцем ради его спасения. Если у человека каменное сердце, любая благодарность обращается в прах.

Чи Нин подробно, до мельчайших деталей изложил государю порядок проведения обряда:

— Поскольку сейчас пора цветения персиков, я велел срезать для Вашего Величества три самые прекрасные ветви. Ваши слуги будут нести их на подносе вслед за вами. Кому вы вручите ветвь — та и станет вашей избранницей.

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— Если же Ваше Величество пожелает остаться наедине с девицами, я приготовил три изящные нефритовые шпильки в виде цветов персика. Их можно спрятать в рукаве и

преподнести будущим наложницам лично.

Под конец Чи Нин счел нужным добавить:

— Должен лишь напомнить Вашему Величеству, что за каждым вашим шагом будут неотступно следовать летописцы.

Историографы Великой Ци славились крутым и несгибаемым нравом. Еще со времен основателя династии они привыкли никого не бояться и заносить в свитки чистейшую правду. Кем бы ты ни был, скрыть свои постыдные слабости не удастся. Не зря ведь до наших дней дошли пикантные слухи о непристойностях, творившихся на былых «Выборах трех».

Дирекция дворцового хозяйства, отвечавшая за царские свадьбы, не раз обжигалась на этом: то и дело случались скандалы, от которых у благопристойных чиновников глаза на лоб лезли, а вину за отсутствие своевременного предупреждения неизменно сваливали на евнухов.

— За кого... за кого ты меня принимаешь! — вспыхнул император, в гневе взмахнув рукавом. Чи Нин по-прежнему вызывал у него глухое раздражение.

— Таковы вековые устои, Ваше Величество. И долг мой — говорить о них прямо, — не дрогнув, отозвался Чи Нин. Он прекрасно знал, что рассердит государя, но продолжал гнуть свою линию, тщательно выстраивая образ беспристрастного ревнителя законов.

Император поперхнулся невысказанным гневом. Вспомнив упрямый нрав Чи Нина, ревностно читавшего каждую букву предписаний, он лишь махнул рукой: ладно уж, пусть говорит.

— У Вдовствующей императрицы есть к Вашему Величеству скромная просьба, — наконец озвучил Чи Нин истинную цель своего визита.

— Какая же? — прищурился государь. Как он и думал, покладистость мачехи не была бесплатной. Впрочем, он был готов уступить — разумеется, в разумных пределах.

— С тех пор как Старший принц Вэнь Чэнь едва не утонул, Ее Величество разогнала почти всех его прежних слуг. Кого-то, конечно, заменили новыми, но верных и надежных людей мальчику по-прежнему не хватает.

На самом деле это была задумка самого Чи Нина. Он жаждал приставить к маленькому принцу преданных слуг, поскольку теперь не доверял даже самой Вдовствующей императрице. Изящно вложив эту мысль в уста августейшей матроны, он придал ей веса. Искусством прикрываться чужим авторитетом Чи Нин владел в совершенстве.

Подобная просьба не слишком удивила государя. Сам он пред сыном был чист, но понимал, что мачеха никогда ему не поверит — так же, как и он не верил в ее желание тихо доживать век в

тишине покоев. То, что она стремилась окружить Вэнь Чэня своими людьми, казалось вполне естественным.

И пусть недоверие задевало его гордость, взвесив все за и против, император кивнул:

— Хорошо. Займись этим сам.

— Слушаюсь.

Таким образом, еще до начала отбора Чи Нин ловко вывел Ли Шимэя, У Шэна и Чжу Ляна из числа кандидатов.

И хотя Цзи Цзань заняла место девы с картины, во избежание лишних подозрений со стороны императора было бы разумнее держать Чжу Ляна подальше от царских глаз.

Довольный тем, как гладко складывается его замысел, Чи Нин поспешил откланяться, дабы не докучать государю своим присутствием. Он никогда не стремился войти в число его приближенных — не только потому, что это было непросто, но и от банального нежелания круглосуточно дежурить у трона. Его цель с самого начала оставалась неизменной: стать для императора тем самым клинком, без которого нельзя обойтись.

Пусть правитель недолюбливает его, пусть не доверяет — но отказаться от его услуг он не сможет.

Именно так все и происходило.

Покинув Увэйдянь, Чи Нин тут же направился к своей троице. Без лишних предисловий он изложил им суть дела:

— Вот что мне от вас нужно. Вы станете тенью Старшего принца и будете оберегать его. Срок службы — десять лет.

Один — мастер скрытой борьбы и интриг, второй — непревзойденный боец, а третий способен противостоять потусторонним силам.

Можно сказать, личная гвардия маленького Вэнь Чэня была полностью укомплектована.

— Если кто-то не согласен — скажите сразу, неволить не стану, — добавил Чи Нин. Дело предстояло опасное, граничащее с мятежом, и принуждение здесь могло лишь навредить.

У Шэн согласился не раздумывая. Он ведь и явился в столицу лишь для того, чтобы отплатить

за добро:

— Мой клинок защитит принца. Пока я дышу — он в безопасности. Если суждено погибнуть мне — он все равно выживет.

Ли Шимэй тоже порывался кивнуть, но запнулся:

— А как же моя месть?..

— Соглашайся, и я тотчас сделаю тебя придворной дамой при принце, выправлю пропуск в любые покои и дам любую силу, какая потребуется, — пообещал Чи Нин.

Не желай Ли Шимэй лично расквитаться с врагами, Чи Нин без колебаний избавил бы его от этих хлопот — уж в пытках и казнях он знал толк.

Ли Шимэй низко поклонился:

— Клянусь беречь Его Высочество не щадя жизни!

Дольше всех колебался Чжу Лян. Будучи главой тайного культа, он привык к вольной жизни. Провести целое десятилетие нянькой при капризном мальчишке казалось ему сомнительной сделкой.

— Где еще ты найдешь столь надежное укрытие, как не за стенами Пурпурного запретного города? — резонно возразил Чи Нин. — Ты ведь уже убедился в моей искренности. Мое слово твердо.

В благодарность за усмирение мятежников в землях Шу Чи Нин уже успел прибрать к рукам тех, кто шел по следу Чжу Ляна. Однако главе культа все еще требовалось безопасное место. Зачем именно — он не распространялся, а Чи Нин не расспрашивал. То было негласное соглашение, основанное на доверии.

— Три года, — наконец сдался Чжу Лян, прикинув свои обстоятельства. Десять лет — слишком долгий срок. Он согласен служить оружием, но не рабом!

— Мы должны дождаться, пока принцу не исполнится двенадцать, — возразил Чи Нин. — В глухих провинциях это еще ребенок, но во дворце — вполне зрелый возраст. Скажем так: если к двенадцати годам мальчик не научится защищать себя сам, его песенка спета.

— Пять лет, — пошел на компромисс Чи Нин.

— По рукам.

Сторговавшись, Чи Нин удовлетворенно улыбнулся и завел новый разговор:

— Вы ведь знаете, как сильно я люблю обзаводиться названными сыновьями?

Чжу Лян тут же вскинулся:

— Даже не думай!

— Да я тебя и не звал, — парировал Чи Нин.

Чжу Лян лишился дара речи. Вроде бы все вышло по его воле, но на душе отчего-то остался гадкий осадок.

Ли Шимэй и У Шэн переглянулись:

— Что вы имеете в виду? — в их голосах прозвучал неподдельный интерес.

Словом, не успело взойти солнце следующего дня, как по столице поползли слухи: безумный евнух Чи Нин обзавелся двумя «названными дочерьми». Вместе с еще одной кандидаткой их спешно препроводили во Дворец Вечного Спокойствия, к Старшему принцу.

Впрочем, сплетники не успели как следует обсудить эту новость — все внимание двора поглотил начавшийся обряд «Выбора трех».

Новый император в конце концов предпочел, чтобы слуги несли ветви персика на подносах. Скрываться от чужих глаз не имело смысла: летописцы все равно следовали по пятам. Зачем устраивать тайные свидания, о которых завтра узнает весь двор? Лучше сделать все открыто и торжественно.

Сады на горе Уцзян утопали в нежном цветении. Опадающие лепестки абрикосовых деревьев кружились, подобно розовому дождю, а пестрые бутоны соперничали в ярком убранстве.

Первой в наступление пошла бойкая кандидатка Чжэн. В этот день девицам дозволили сбросить строгие придворные платья и нарядиться по собственному вкусу. Барышня Чжэн выбрала воздушный наряд из нежно-желтого шелка, подчеркивавший ее девичью легкость. Взлетев на качелях, она крепко сжимала веревки и со звонким смехом просила слуг раскачивать ее все сильнее, точно беззаботное дитя.

— Выше, еще выше! — звенел ее голосок, пока она взмывала к кронам деревьев, подобно

лесной нимфе. — Ничего страшного, Его Величество еще не скоро прибудет. Дайте мне нарезать!

Но стоило ей вскинуть взгляд, как она столкнулась глазами с императором. Вмиг притихнув, девица испуганно сжалась, словно пичужка перед ястребом.

Зрелище вышло на редкость трогательным.

Подобная дерзость была рискованной — государь слыл строгим ценителем приличий. Однако расчет оказался верным: столь яркая встреча врезалась в память правителя глубже любых церемонных поклонов.

Кандидатка Чжэн добилась своего — император выделил ее из толпы.

Прочие претендентки — девицы Линь, Сунь и Ван — не желали уступать первенство. Каждая устроила государю незабываемую «случайную» встречу. Одна пленила его изысканными стихами, сложенными прямо в саду; другая, весело болтая с подругами, искусно подчеркивала свое благородное происхождение; третья и вовсе заставила затаить дыхание, изогнувшись в чарующем танце...

Никогда еще императорский отбор не баловал зрителей таким разнообразием уловок.

Не только у государя — даже у многоопытных историографов зарябило в глазах. Каждая красавица обладала неповторимым очарованием, и сделать выбор казалось невыносимым.

На их фоне Цзи Сысюэ казалась воплощением кротости. Она не пыталась выделиться, лишь издали провожала государя робким, благоговейным взглядом. В ее глазах он представал великим и недостижимым владыкой, полубогом, сошедшим со страниц девичьих грез. Она не смела приблизиться, безмолвно моля лишь о милости расти незаметной травинкой у его ног.

Подобная покорность безжалостно тешила мужское тщеславие. Редкий мужчина устоит перед беззащитным существом, чья жизнь и счастье целиком зависят от его благосклонности.

Однако все девичьи ухищрения померкли, стоило появиться Цзи Цзань. Ее ослепительная, царственная красота обрушивалась на зрителя подобно урагану. В ее мире не существовало иных цветов — лишь она одна имела право благоухать. То была свирепая, торжествующая гордость. Стоило ей сделать шаг, как разум туманился, а сердца мужчин замирали.

Но главным ее оружием оставался едва заметный жест: она мягко положила ладонь на пока еще плоский живот. Наследник трона уже рос под ее сердцем.

Любовные утехи — та же война.

Одержать верх в ней способен лишь тот, кто хранит холодный рассудок. Не зная мук любви, а лишь умело ведя игру на мужских слабостях, можно подчинить себе любое поле битвы.

Персиковых ветвей было всего три, а желающих — без счета. Приходилось бороться.

В конце концов государь вручил весь пышный букет Цзи Цзань, разом возвысив ее над прочими наложницами. Остальные же девицы скромно вошли во дворец в звании «выбираемых служанок» — сюаньши.

Правитель не стал мелочиться: зачем выбирать одну, если можно забрать всех?

То, на что не отважился наследник князя, с легкостью свершил государь. Нетрудно догадаться, какая буря вскоре разразится в стенах гарема.

В то же самое время законная Императрица Лю сидела у западного окна своего дворца, бережно обнимая округлившийся живот. Она долго терпела, но теперь чаша ее терпения переполнилась. Нельзя бездействовать, ожидая собственной гибели!

— Ступай и приведи ко мне Ма Вэня.

В Дирекции церемониала служили двое братьев Ма. Старшего звали Ма Вэнь, младшего — Ма У. Родители нарекли их в надежде вырастить великих мужей, искусных и в науках, и в ратном деле, но судьба распорядилась иначе, превратив обоих в дворцовых слуг.

Тем временем в столице забурили новые страсти.

Родня государя по материнской линии, благородное семейство Чэнь, получив тайную весточку от евнуха Чжоу Хайва, пришла в ярость. Потеряв голову от гнева, они гурьбой ворвались во дворец.

— Неужели ради бесстыжей девки, что пробралась в монаршую постель еще до свадьбы, Ваше Величество готов забыть о сыновнем долге?

— Несчастливая моя сестра! Стоило ей переступить порог дворца, как смерть разлучила нас! Как мне теперь жить, как выплакать это горе?

— Неужто царственный племянник окончательно отринул родственные узы?

Новый император не успел насладиться обществом юных наложниц, как на него обрушился яростный натиск вздорной родни. Во дворце поднялся невообразимый переполох.

Первой жертвой этой бури стал Чжоу Хайва, директор с печатью Дирекции дворцового хозяйства. Бедняга спал в своей каморке, зная не зная о грозе, когда ворвавшиеся стражи Восточного притвора стащили его с постели. Шептались, что его схватили прежде, чем он успел натянуть штаны.

Разгневанный государь спешно вызвал Чи Нина в Дворец Недеяния.

Сомнений не было: император подозревал, что за падением Чжоу Хайва стоит именно этот юноша. Нынешний призыв преследовал одну цель — поставить выскочку на место. Пусть не мечтает о скором повышении, как бы искусно он ни провел отбор невест. К тому же, возвращение Чи Нина со службы оборонным евнухом в столицу обошлось без чинов — его перевели на равную должность, что само по себе приравнялось к тайной опале.

— Похоже, в Дирекции дворцового хозяйства освободилось место руководителя, — вкрадчиво проговорил император. — Ты, как генеральный управляющий евнух, кого можешь порекомендовать?

Чи Нин ждал этого вопроса. Поклонившись, он твердо произнес:

— Оборонный евнух земель Шу, Юй Синчуй, славится верностью и острым умом. Он вполне достоин занять этот пост.

Юй Синчуй, по прозвищу Сяньсянь...

Был вторым старшим соучеником Чи Нина.

<http://bllate.org/book/20385/2188957>